

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Максимова С. Г., Омельченко Д. А. (Барнаул)

Аннотация: статья основывается на результатах социологического исследования распространенности бытовой коррупции среди населения Алтайского края, проведенного в 2018 году в рамках реализации государственной программы «Противодействие коррупции в Алтайском крае» на 2017–2021 годы. ($n=2000$). На основании стандартизированных показателей выявлена степень коррупциогенности ситуаций в различных сферах общественной жизни, описаны социальные и культурные факторы, сдерживающие, или, напротив, провоцирующие коррупционное поведение граждан. Показано, что социально-демографические факторы (пол, возраст) практически не оказывают влияние на уровень бытовой коррупции, тогда как территориальные и культурные факторы амбивалентны и проявляются в специфических ситуациях. Коррупционный опыт сопряжен с изменениями в ценностных и мировоззренческих установках граждан, что обуславливает необходимость системных изменений в общественном сознании для достижения реальных результатов противодействия коррупции на низовом уровне.

Ключевые слова: коррупционное поведение, бытовая коррупция, социальные и культурные детерминанты коррупции, коррупционная ситуация.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №19-011-00417 «Факторы и механизмы формирования доверия в системе сохранения социальной безопасности в приграничных регионах России» (2019–2021).

Коррупция не только тормозит социально-экономическое развитие России, она несет прямую угрозу национальной безопасности, снижает общую эффективность государственного управления, разлагает политическую систему, что неоднократно отмечалось в обширной научной литературе по соответствующей тематике, выступлениях общественных и политических деятелей [3–5; 7; 10, 11, 12, 13 и др.]. Помимо институциональных причин, связанных со структурой и функционированием государственного аппарата, несовершенством законодательства и слабостью правоприменения, способствующих процветанию взяточничества, большую роль в

воспроизводстве коррупционных отношений на всех уровнях (индивидов, социальных групп и общества в целом) играли и играют социокультурные детерминанты – неосознаваемые и не фиксируемые статистикой ценности и традиции, «программирующие» поведение людей – система стереотипов и особенностей менталитета, влияющих на поведение социальных общностей (классов, этносов, конфессий) [2; 6]. Как справедливо и точно отмечает В. А. Соснин: «В нашем культурном архетипе имеются психологические aberrации, социокультурные ориентации терпимого отношения к преступлениям в целом и к проявлениям коррупции в частности», подталкивающие население к меркантильному поведению, формирующие установку на то, что лучше следовать установленной традиции и дать взятку, чем бороться с коррупцией [9, с. 87].

В Алтайском крае, если судить по данным Генеральной прокуратуры, представленным на Портале правовой статистики, коррупционная ситуация является скорее благополучной: регион входит в число с относительно небольшим количеством зарегистрированных преступлений по статьям 290 и 291 УК РФ (получение и дача взятки) (в 2018 году было зарегистрировано 59 случаев по первой и 19 случаев по второй статье)[1]. Исследования Фонда «Индем», проведенные совместно с Фондом «Общественное мнение» в 2010 году по репрезентативной выборке среди населения привели авторов к похожим результатам: Алтайский край был отнесен к регионам, занимающим невысокие позиции в обобщенном рейтинге оценки уровня бытовой коррупции [8]. К сожалению, в общей совокупности исследовательских данных и научных материалов по коррупции доля изучающих социокультурные и психологические аспекты и механизмы коррупции, проливающие свет на то, почему одни люди, группы или целые нации в большей степени, чем другие, вовлекаются в коррупционные взаимодействия, чрезвычайно мала. Между тем, именно от результатов таких социальных исследований напрямую зависит разработка эффективных антикоррупционных мер, затрагивающих глубинные структуры общественного сознания, включая его национально специфичные, цивилизационные компоненты, сформированные в результате культурно-исторического развития.

В 2018 году в Алтайском крае было проведено социологическое исследование⁶ (пропорциональная маршрутная выборка, охвачено 14 городов и муниципальных районов, n=2000), направ-

⁶ Исследование проведено сотрудниками факультета социологии Алтайского государственного университета (науч. рук. – д.с.н. профессор С. Г. Максимова).

ленное на изучение установок граждан в отношении коррупции и опыта взаимодействия с представителями органов власти, руководителями бюджетных учреждений по поводу разрешения разнообразных жизненных проблем. Стандартизированные показатели, заложенные в инструментарий, позволили описать разнообразие коррупциогенных ситуаций в различных сферах, выявить социальные и культурные факторы, опосредующие выбор анти(коррупционных) поведенческих стратегий.

Согласно результатам первичного описательного анализа (таблица 1), самый высокий уровень коррупции наблюдался во *взаимодействиях с представителями государственной инспекции безопасности дорожного движения*. Во всей совокупности случаев наличия подобного опыта, только чуть более половины (59,2%) респондентов отметили, что в ходе сотрудничества с ГИБДД не возникало моментов, когда для решения проблемы требовалось дать сотруднику данной службы взятку, 26,8% указали на то, взятка требовалась, но они ее не давали (можно смело предположить, что какая-то часть ответов этой категории были даны под влиянием эффекта социальной желательности и являлись завуалированными свидетельствами дачи взятки), и 14,0% – отметили, что им пришлось все-таки дать взятку, из них 4,7% – давали взятку более двух раз за последние два года.

На втором месте среди ситуаций по количеству подтвержденных респондентами коррупционных действий – *обращение в суд*. Хотя в целом доля населения, сталкивающегося с необходимостью взаимодействия с судебными органами, невелика – 83,1% опрошенных отметили, что не имели такого опыта, среди тех, кто обращался в суд, 18,8% – попадали в ситуацию, в которой, как им казалось, требовалось дать взятку и 8,8% – ее давали. Практически такой же уровень коррупции наблюдался в *сферах общего образования и воинской службы*: 8,4% опрошенных, имевших опыт обращения в соответствующие инстанции, сообщили о фактах дачи ими взятки чиновникам, 76–78% уточнили, что при необходимости дополнительного «стимулирования» не возникало, и 13–19% – указали, что, несмотря на возможность решить проблему коррупционным путем, они ее не использовали.

Следующая группа ситуаций, оцененных сходным образом, касалась вопросов *получения высшего и дошкольного образования*. Среди обратившихся, 73–76% – указали на отсутствие необходимости давать взятку, 18,3% опрошенных восприняли как провокационную ситуацию в детских садах и 21,0% – в вузах, 6,1% и 6,4% респондентов соответственно признались в том, что давали взятку.

Примерно на одном уровне – около 4–5% подтвержденных случаев среди имевших опыт обращения коррупция наблюдалась в сфере «*бесплатной*» *медицины, регистрации земельных участков и недвижимости, ремонта и эксплуатации жилья*. Однако, такое сопоставление, хоть и отражало конкретные цифры, было не вполне адекватным реальным масштабам коррупции в данных сферах, что наглядно демонстрировали данные о количестве обратившихся за помощью: если с необходимостью регистрации сделок с недвижимостью или получения услуг от коммунальных служб в течение последних двух лет сталкивались не более трети опрошенных жителей региона, то в медицинские учреждения обращались 82,0% из них, а значит и объем взяточничества в них был как минимум в 2,5–3,0 раза выше.

Около 3% опрошенных отметили, что платили взятки в ситуациях, когда им требовалось оформить *социальные выплаты, получить идентификационные и разрешительные документы* (регистрацию по месту жительства, загранпаспорт, разрешение на определенные виды деятельности). Общая доля обратившихся за подобными услугами составила порядка 36–37%. Несмотря на сходный уровень коррупции, область регистрации официальных документов являлась максимально защищенной от коррупционных рисков – 92% респондентов отметили, что при обращении они не попадали в ситуации, требующие дачи взятки, тогда как сфера социальной защиты населения оказалась свободной от коррупции только на 85%.

Весьма близкой по объему коррупционных сделок оказалась *сфера взаимодействия с полицией*: при доле обратившихся, составившей чуть менее 25%, 86% респондентов отметили, что не сталкивались с необходимостью дать взятку для решения своих проблем, тогда как 11,4% – идентифицировали ситуацию как потенциально коррупционную и 2,5% – сознались в том, что давали взятку.

Последние места в нашем условном рейтинге заняли ситуации *в трудовой сфере*: в одной из их взятки использовались для получения должности и карьерного роста, в другой – для оформления выхода на пенсию и перерасчета пенсионных выплат. В первом случае доля респондентов, сталкивавшихся с подобными ситуациями, составила 34,4%, среди них 79,5% – решили проблему благополучно, 18,0% – восприняли ситуацию как требующую взятки и 2,5% – участвовали в коррупционных действиях. Во втором случае, взятки использовались в два раза реже (1,7%), тогда как в подавляющем большинстве случаев ситуация разрешалась без намека на необходимость неформальных форм оплаты услуг (85,8%).

Таблица 1

Коррупционный опыт респондентов в различных жизненных ситуациях в течение последних двух лет, % (в скобках указана доля лиц, давших ответ на соответствующий вопрос среди обратившихся за помощью, строки ранжированы по убыванию по категории «Давал взятку хотя бы раз»)⁷.

Ситуации	Не приходилось сталкиваться с данной проблемой	2	3	4	5
1					
Контакты с автоспекцией (получение прав, техосмотр, нарушение правил дорожного движения и т.п.). Обращение в суд	60,6	23,3 (59,2)	10,6 (26,8)	5,5 (14,0)	
Школа: поступить в нужную школу и успешно её окончить, обучение, «взнос», «благодарности» и т.п.	83,1	12,2 (72,4)	3,2 (18,8)	1,5 (8,8)	
Решение проблем в связи с призывом на военную службу	71,7	22,3 (78,8)	3,6 (12,8)	2,4 (8,4)	
Вуз: поступить, перевестись из одного вуза в другой, экзамены и зачёты, диплом и т.п.	85,3	11,2 (76,1)	2,3 (15,5)	1,3 (8,4)	
	67,4	23,7 (72,6)	6,9 (21,0)	2,1 (6,4)	

⁷ Доля затруднившихся с ответом составила не более 4% и при дальнейшем анализе не учитывалась.

⁸ В ходе опроса спрашивалось, сколько именно раз давалась взятка. В ячейке указана доля лиц, дававших взятку минимум один раз.

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5
Дошкольные учреждения (поступление, обслуживание и т.п.)	78,2	16,5 (75,5)	4 (18,3)	1,4 (6,1)
Получение бесплатной медицинской помощи в поликлинике (анализы, приём у врача и т.п.), в больнице (серьёзное лечение, операция, и т.п.)	18,0	66,4 (81,0)	11,7 (14,2)	3,9 (4,7)
Жилплощадь: получить и (или) оформить юридическое право на неё, приватизация и т.п.	70,4	23,1 (78,2)	5,1 (17,1)	1,4 (4,7)
Регистрация сделки с недвижимостью (дом, квартиры, гаражи и т.п.).	71,4	23,2 (81,4)	4,1 (14,4)	1,2 (4,2)
Получение услуг по ремонту, эксплуатации жилья у муниципальных служб по эксплуатации (ДЭЗ и пр.)	77,3	18 (79,3)	3,8 (16,6)	1,0 (4,1)
Земельный участок для дачи или ведения своего хозяйства: приобретения и (или) оформить право на него	75,4	19,2 (78,2)	4,4 (18,0)	1 (3,8)
Социальные выплаты: оформление прав, пересчёт и т.п.;	62,3	32 (85,0)	4,4 (11,7)	1,2 (3,2)
Получить регистрацию по месту жительства, паспорт или заграничный паспорт, разрешение на оружие и т.п.	63,9	33,1 (91,9)	1,8 (4,9)	1,1 (3,1)
Обращение за помощью и защитой в полицию	75,2	21,3 (86,0)	2,8 (11,4)	0,7 (2,7)
Работа: получить нужную или обес-печить продвижение по службе	65,6	27,3 (79,5)	6,2 (18,0)	0,9 (2,5)
Пенсии: оформление, пересчёт и т.п.	72,7	23,5 (85,8)	3,4 (12,5)	0,5 (1,7)

Сравнительный анализ показал, что на коррупционный опыт практически не оказывали влияния социально-демографические факторы, уровень коррупции был примерно одинаковым в разных гендерных и возрастных группах, что свидетельствовало об общей, практически не меняющейся от поколения к поколению, культуре мышления и поведения, которая либо обеспечивала устойчивые антикоррупционные установки, либо способствовала воспроизводству коррупционных паттернов, передающихся «по наследству» благодаря механизмам исторической и культурной памяти. Между тем, было выявлено, что некоторые типы ситуаций, прежде всего связанные с образованием, судебными делами и регистрацией документов, являлись гендерно чувствительными, то есть мужчины и женщины по-разному определяли их коррупционный потенциал и в разной степени участвовали в коррупционных сделках. Возрастная специфика проявилась в отношении ситуаций, связанных с оформлением земельных участков, ставшим зоной повышенного риска коррупции для молодых людей до 30 лет.

Одним из значимых структурных факторов являлся тип поселения. Наиболее неблагоприятная коррупционная ситуация складывалась в малых городах Алтайского края, где жители чаще давали взятки при получении медицинской помощи, поступлении или обучении в дошкольных и высших учебных заведениях, при получении услуги по оформлению земельного участка, в случае обращения за помощью или защитой в полицию или автоинспекцию, а также для продвижения по службе. В сельской местности проблемным в отношении коррупции являлся процесс оформления пенсии: каждый третий сельчанин, который обращался за данной услугой, оценивал ситуацию как требующую неформальных решений, в том числе посредством взяток. Представляется, что дальнейшие антикоррупционные меры должны строиться с учетом данных фактов.

Исследование выявило двойственную роль образования в формировании коррупционного и антикоррупционного поведения: наличие высшего образования не только не препятствовало совершению коррупционных сделок, но, в ряде случаев, где наблюдалась слабость механизмов контроля и была высока роль человеческого фактора (медицина, полиция, сфера ЖКХ), способствовало их реализации. С другой стороны, в тех сферах, где влияние человеческого фактора было минимизировано или опосредовано компьютерными технологиями (например, в системе элек-

тронного правительства, цифровой экономики), высшее образование играло роль сдерживающего и антикоррупционного фактора.

Коррупционный опыт респондентов оказался значимо взаимосвязан с мировоззренческими позициями, представлениями и установками в отношении коррупции. Лица дающие взятки, давали более высокие оценки масштабов распространения коррупции, были более информированы мерах противодействия, предпринимаемых федеральными властями. При этом, они достоверно реже соглашались с тем, что в коррупции виноваты обе стороны, участвующие в коррупционной сделке (и те, кто дает, и те, кто берет взятки), и были склонны недооценивать эффективность антикоррупционной политики. Среди лиц, дававших взятки, оказалось также значимо больше тех, кто считал Алтайский край бедным, депрессивным и слаборазвитым регионом, а низкий уровень жизни и социальную незащищенность – основными причинами коррупции. Личный опыт участия в коррупционных действиях коррелировал с более высокими оценками коррумпированности чиновников, государственных и общественных институтов. Таким образом, срабатывал защитный механизм проекции, переносящий собственное коррупционное поведение и тип мышления на других людей, а для оправдания использовались «очевидные» и «всепроникающие» экономические причины. Указанный тезис подтверждался данными, полученными в группе респондентов, которые не имели коррупционного опыта: несмотря на меньшую информированность о том, что происходит в сфере антикоррупционной политики, они значительно чаще отмечали, что власти делают все возможное, чтобы остановить коррупцию, считали Алтайский край благоприятным для проживания и активно развивающимся регионом, и полагали, что в каждом коррупционном случае виноваты оба – и взяткодатель, и взяткополучатель.

Обобщая полученные результаты исследования, отметим, что, несмотря на достаточно благоприятное положение региона на коррупционной карте России, коррупция пронизывает все сферы жизнедеятельности регионального общества, оказывает серьезное влияние на жителей Алтайского края. Частота попадания населения в потенциально коррупционные ситуации, независимо от того, завершались ли они фактом дачи/получения взятки или нет, в первую очередь детерминирована личным опытом участия в конкретных видах деятельности. Наибольший уровень бытовой коррупции выявлен в учреждениях государственной автоинспек-

ции, высшего образования и судах, чуть в меньшей степени – в дошкольных и военных учреждениях, отвечающих за срочную службу. Немаловажно, что коррупция наблюдается даже в учреждениях, услуги в которых оказываются социально незащищенным категориям граждан – пенсионерам, инвалидам, малоимущим лицам, что является в высшей степени неприемлемым. Тем самым не только блокируется доступ к получению данных услуг, гарантированных государством, сам институт социальной защиты оказывается дискредитированным в глазах населения. Выявленные территориальные и социокультурные факторы свидетельствуют о системном характере бытовой коррупции, ее укорененности, с одной стороны, в системе государственного управления, с другой – в российском менталитете и общественном сознании, что в совокупности создает условия для ее воспроизводства и устойчивости. Вполне очевидно, что для изменения ситуации требуется радикальная трансформация обеих частей этой системы, что возможно только на основе длительного воздействия и научно обоснованных практически продуманных мер. Причем субъектами антикоррупционной политики должны являться не только сами органы власти (принцип Остапа Бендера «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих» здесь скорее не уместен). Значительная роль должна быть отведена структурам гражданского общества, репрезентирующим наиболее затронутые и пострадавшие от коррупционных действий слои общества, способные организовать общественную антикоррупционную экспертизу и контроль за реализацией мер антикоррупционной политики, развернуть масштабную антикоррупционную компанию в массах.

Литература

1. Данные о количестве зарегистрированных преступлений по ст. 290 и 291 УК РФ. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 1.02.2019).
2. Кислов А. Г., Сюзева Н. В. Амбивалентность культуры в процессах воспроизводства и предупреждения коррупции // Вестник культуры и искусств. 2016. №1(45). С. 81–89.
3. Колесников В. В., Быков В. Н., Борисов О. А. Коррупция как угроза национальной безопасности: о специфике криминологического подхода // Всероссийский криминологический журнал. 2007. №3–4. С. 50–57.
4. Кузнецова О. А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовско-

го университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. №12(128). С. 533–535.

5. Латов Ю. В. Коррупция в системе угроз национальной безопасности России //Актуальные проблемы экономики и права. 2015. №1(33). С. 46–52.

6. Латов Ю. В., Нестик Т. А. «Плохие» законы или культурные традиции? //Общественные науки и современность. 2002. №5. С. 35–47.

7. Нуштаев И. В. Теневая экономика и коррупция как угрозы экономической безопасности национального хозяйства России // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №12. С. 226–230.

8. Определение уровня коррупции среди всех социальных слоев населения и эффективности принимаемых антикоррупционных мер. Москва: Фонд «Индем», 2010 [Электронный ресурс]. URL: http://www.indem.ru/corrupt/doklad_cor_INDEM_FOM_2010.zip (дата обращения: 1.02.2019).

9. Соснин В. А. Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема //Психологический журнал. 2014. Т. 35. №3. С. 78–90.

10. Хабибулин А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения // Журнал российского права. 2007. №2 (122). С. 45–50.

11. Шейнис В. Л. Национальная безопасность России. Испытание на прочность (Часть II) //Полис. Политические исследования. 2010. №1. С. 35–53.

12. Maximova S., Noyanzina O., Omelchenko D. and Maximova M. The trust as a social capital of civil society in contemporary Russia // MATEC Web of Conferences 212, 10004 (2018). ICRE 2018. <http://doi.org/10.1051/mateconf/201821210004>

13. Ноянзина О.Е., Гончарова Н.П., Максимова С.Г., Авдеева Г.С. Современные вызовы безопасности: оценка риска подверженности экстремистским и террористическим угрозам в условиях региональных социумов // NB: Национальная безопасность. 2012. №1. С. 213-254.

14. Омельченко Д.А., Максимова С.Г., Ноянзина О.Е. Международная миграция и безопасность российских регионов: статистический анализ и опыт построения типологии // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. №1. С. 13–31.

SOCIAL AND CULTURAL DETERMINANTS OF CORRUPTION BEHAVIOUR AMONG POPULATION OF THE ALTAI REGION

Maximova S. G., Omelchenko D. A. (Barnaul)

Abstract: *the article is based on the results of sociological survey among population of the Altai region, conducted in 2018 in the framework of the realization of the State «Counteraction against corruption in the Altai region» for 2017–2021 (n=2000), aimed at the assessment of the spread of petty corruption. By means of standardized indicators we have analyzed the manifestations of corruption in different situations and spheres of social life, have describe social and cultural factors, constraining or provoking the corruption behavior among citizens. It is shown that socio-demographic factors (sex, age) have little impact on the level of petty corruption whereas territorial and cultural factors are ambivalent and manifest themselves in specific situation. Corruption experience is associated with changes in world-view and values of citizens, that necessitates system transformations in public conscience for achievement of real results of counteraction at the grass-roots level.*

Keywords: *corruption behavior, petty corruption, social and cultural determinants of corruption, corruption situation.*

СОЦИАЛЬНАЯ ОЦЕНКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА КАК УСЛОВИЕ БЕЗОПАСНОСТИ КОРРУПЦИОНЕРА

Ноянзина О. Е., Эбелинг Э. О. (Барнаул)

Аннотация: доклад посвящен оценке социального восприятия вины коррупционеров: как дающих, так и принимающих взятки. На основе применения метода деревьев решений сделаны предсказания в отношении социальных оценок вины как взяточников, так и взяткодателей. Эмпирической основой доклада послужили данные социологического опроса населения городов и сел Алтайского края (2018, n = 1073) в возрасте 15–75 лет. Сделан вывод, что чем больше размер взятки, больше доход респондента и актуальнее для него опыт взяткодательства, тем более он склонен «перекладывать» вину за факт коррупции на получателя неформальных благ. Если опрошенный не имеет опыта дачи взяток, дарения подарков, или их сумма невелика, не наносит существенного ущерба домохозяйству, факт взятки расценивается как спровоцированный обеими сторонами. В целом же, социальное порицание коррупционеров в обществе не столь ярко выражено, население вполне толерантно относится к фактам дачи взяток, использованию личных связей для ускорения или более качественного получения государственных и муниципальных услуг, что, на наш взгляд, служит фактором безопасности взяткодателей и взяточников, как в правовом, так и в социально-психологическом смысле.

Ключевые слова: гражданское общество, коррупция, взятка, вина коррупционера, социальное восприятие.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-33-00049 «Институциональное и межличностное доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России» (2017–2019).

Коррупция – это комплексное и многофакторное явление, имеющее множественные причины и последствия, поскольку она может принимать разнообразные формы и функционирует в разных контекстах. Явление коррупции охватывает спектр событий от одиночного акта «платежа» (взятки), запрещенного законодательно, до эндемичной дисфункции политической и экономической систем. Проблему коррупции можно рассматривать как структурную проблему политики или экономики, или же, как